

Мы долго, молча, отступали.

Досадно было, боя ждали,

Ворчали старики:

«Что жь мы? На зимнія квартиры?

Не смѣютъ что ли командиры

Чужіе изорвать мундиры

О русскіе штucky?»

И вотъ нашли большое поле:

Есть разгуляться гдѣ на волѣ!

Построили редутъ.

У нашихъ ушки на макушкѣ!

Чуть утро освѣтило пушки

И лѣса синія верхушки—

Французы тутъ-какъ-тутъ.

Забилъ зарядъ я въ пушку туго,

И думалъ: угощу я друга!

Постой-ка, братъ мусью!

Что тутъ хитрить, пожалуй къ бою;

Ужъ мы пойдемъ ломить стѣною,

Ужъ стоимъ мы головою

За родину свою!

Два дня мы были въ перестрѣлкѣ.

Что толку въ атакой бездѣлкѣ?

Мы ждали третій день.

Повсюду стали слышны рѣчи:

«Нора добратся до картечи!»

И вотъ на поле грозной сѣчи

Ночная пала тѣнь.

Прилежъ вздремнуть я у лафета,

И слышно было до разсвѣта,

Какъ лиговаль французъ.

Но тихъ былъ нашъ бивакъ открытый:

Кто киверъ чистилъ весь избитый,

Кто штукъ точилъ, ворча сердито,

Кусая длинный усъ.

И только небо засвѣтилось—

Все шумно вдругъ зашевелилось,

Сверкнулъ за строемъ строй

Полковникъ нашъ рожденъ былъ хватомъ

Слуга царю, отецъ солдатамъ...

Да, жаль его: сраженъ булатомъ,

Онъ спитъ въ землѣ сырой.

И молвилъ онъ, сверкнувъ очами:

«Ребята! не Москва ль за нами?

Умремте жъ подъ Москвой,

Какъ наши братья умирали!»

И умереть мы обѣщали,

И клятву вѣрности сдержали

Мы въ Бородинскій бой.

Ну-жъ былъ денекъ!.. Сквозь дымъ летучій

Французы двинулись, какъ тучи,

И все на нашъ редутъ.

Уланы съ пестрыми значками,

Драгуны съ конскими хвостами—

Всѣ промелькнули передъ нами,

Всѣ побывали тутъ.

Вамъ не видать такихъ сраженій!..

Носились знамена, какъ тѣни,

Въ дыму огонь блестѣлъ,

Звучалъ булатъ, картечь визжала,

Рука бойцовъ колоть устала,

И ядрамъ пролетать мѣшала

Гора кровавыхъ тѣлъ.

Извѣдалъ врагъ въ тотъ день немало,

Что значить русскій бой удалый,

Нашъ рукопашный бой!

Земля тряслась, какъ наши груди;

Смѣшались въ кучу кони, люди,

И залпы тысячи орудій

Слились въ протяжный вой..

Вотъ смерклось. Были всѣ готовы

Завтра бой затѣять новый

И до конца стоять..

Вотъ затрепали барабаны,

И отступили басурманы.

Тогда считать мы стали раны,

Товарищей считать.

Да, были люди въ наше время,

Могучее, лихое племя:

Богатыри—не вы!

Плохая имъ досталась доля:

Немногие вернулись съ поля.

Когда бъ на то не Божья воля,

Не отдали бъ Москвы!

Разстались мы; но твой портретъ

Я на груди моей храню:

Какъ блѣдный призракъ лучшихъ лѣтъ,

Онъ душу радуетъ мою.

И новымъ преданный страстямъ,

Я разлюбить его не могъ:

Такъ храмъ оставленный—все храмъ,

Кумиръ поверженный—все Богъ!

Молитва странника.

Я, Матерь Божія, нынѣ съ молитвою

Предъ твоимъ образомъ, яркимъ сіяніемъ,

Не о спасенія, не передъ битвою,

Не съ благодарностью иль покаяніемъ,

Не за свою молю душу пустынную,

За душу странника въ свѣтѣ безроднаго;

Но я вручить хочу дѣву невинную

Теплой заступницѣ міра холоднаго.

Окружи счастіемъ душу достойную,

Дай ей спутниковъ, полныхъ вниманія,

Молодость свѣтлую, старость покойную,

Сердцу незлобному миръ упованія.

Срокъ ли приблизится часу прощальному.

Въ утро ли шумное, въ ночь ли безгласную,

Ты воспріять пошлѣ къ ложу печальному

Лучшаго ангела душу прекрасную.

Когда волнуется желтѣющая нива,

И свѣжій лѣсъ шумитъ при звукѣ вѣтерка,

И прячется въ саду малиновая слива

Подъ тѣнью сладостной зеленого листа;